

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-84-103

УДК 94

Антон Крутиков

Феномен Юзефа Пилсудского и столетие польской независимости

Аннотация. *Фигура Юзефа Пилсудского является самым узнаваемым символом, связанным с обретением Польшей независимости. «Легенда» маршала, его политическое наследие оказали заметное влияние на государственное развитие Польши в XX в. Попытки использовать идеи Пилсудского и само его имя в современных условиях неизбежно становятся предметом споров как политиков, так и историков, порождают конфликты. Несмотря на противоречивость оценок, главный герой польского патристического мифа остается в сознании большинства поляков важной составляющей национальной идентичности.*

Ключевые слова: *Юзеф Пилсудский, Польша, польская независимость, историческая память, национальное самосознание.*

Понятие «ноябрьские праздники» уже на протяжении многих десятилетий является своеобразным культурно-историческим символом, в определенном смысле объединяющим русских и поляков. Трудно объяснить простым совпадением тот факт, что важнейшие события в жизни двух соседних славянских народов в XX веке произошли именно в этом месяце. Польский Ноябрь, ставший прямым ответом на Ноябрь¹ российский и его политическим антиподом, открыл новую эру в польской истории, вернув страну на политическую карту Европы. Он объединил разделенные между тремя бывшими империями польские земли и дал стране нового общенационального лидера, чей авторитарный режим оказался одной из наиболее ярких характеристик Второй Речи Посполитой в межвоенное двадцатилетие.

Для современных поляков дата 11 ноября 1918 г. по-прежнему имеет символический и во многом сакральный смысл. Праздник, запрещенный во времена «Народной Польши» правительством Болеслава Берута, стал в 1970–1980-е годы символом сопротивления коммунистическому режиму в ПНР и идеалом того поколения людей, которое привело страну к повторному «обретению независимости» в 1989-м.

С началом в ПНР «политики трансформации», преемственность между «старой» и «новой» Польшей была обеспечена благодаря «транзиту» политического наследия

1 Октябрьская революция, как известно, по новому стилю произошла в ноябре, поэтому автор и сравнивает два Ноября. — *Ред.*

Сведения об авторе: *Крутиков Антон Алексеевич — историк, Научно-просветительский проект «Западная Русь» (Минск, Беларусь); bialyorzel1000@gmail.com.*

Второй Речи Посполитой, который новые власти страны постарались оформить в виде ряда символических актов.

Одной из таких акций (но, далеко не единственной) стала передача президентских регалий последним президентом в изгнании Рышардом Качоровским, прибывшим в Варшаву из Лондона в 1989 г. по приглашению польского Сейма.

15 февраля 1989 г. Сейм Польши также восстановил празднование 11 ноября в память о «поколениях поляков, боровшихся за свободу и независимость» своей страны и в целях «увековечивания годовщины обретения польским народом независимого государственного существования» [Ustawa... poz. 34]. Этот праздничный день, получивший официальное название «Национальный праздник независимости» («Narodowe Święto niepodległości»), прочно вошел в число наиболее заметных памятных дат современной Польши.

Начиная с 2010 г. центральным элементом праздника стал проходящий в Варшаве Марш независимости, организованный по инициативе националистических ассоциаций, таких как «Национально-радикальный лагерь» (ONR) и «Польская молодежь» (Młodzież Wszechpolska). Обе организации называют себя преемниками «эндеков» — мощного националистического объединения, существовавшего с конца XIX в., одним из идеологов которого был Роман Дмовский, главный оппонент Юзефа Пилсудского. До 2015 г. Марш рассматривался как «нишевое» мероприятие оппозиции и объединял правую польскую интеллигенцию и молодежь, выступавшую против правящей на тот момент «Гражданской платформы». После победы на выборах правой партии «Право и справедливость» и прихода к власти нового президента Анджея Дуды, Марш начал приобретать черты официального государственного мероприятия.

Столетие польской независимости, которое страна отметила 11 ноября 2018 г., стало одним из важнейших общественно-политических событий в новейшей истории Республики Польша. Накануне 11 ноября в Варшаве и других регионах страны прошли праздничные концерты, гуляния, патриотические манифестации и торжественные мессы в костелах. В Кракове собравшиеся на Рыночной площади установили даже своеобразный рекорд по количеству людей, которые одновременно пели официальный гимн Войска польского — песню «My, pierwsza brygada» [Święto Niepodległości...].

Одним из главных пунктов праздничной программы в Варшаве должен был стать «Марш независимости», который традиционно проходит во второй половине дня 11 ноября по центру польской столицы. Как и в предыдущие годы, участники марша планировали собраться днем на площади Романа Дмовского и пройти по Иерусалимским аллеям через мост Понятовского и Щецинскую набережную к Национальному стадиону, где вечером должен был состояться праздничный концерт. По оценкам польских властей, в этом году марш также установил своеобразный рекорд, так как его участниками в Варшаве стали более 250 тыс.

Эти праздничные мероприятия и приуроченные к ним выступления польских политиков и общественных деятелей дают возможность не только подвести определенные итоги в государственном развитии Польши, но и оценить роль национальных символов и героев в конструировании современной польской идентичности.

Тень маршала

Для большинства поляков фигура Юзефа Пилсудского до сих пор является самым узнаваемым символом, связанным с возрождением польской независимости. Достаточно сказать, что военный парад проходит 11 ноября в Варшаве на площади, названной его именем (в прошлом Саксонской). Революционер и создатель польских легионов, узник Магдебурга и Начальник государства, полководец и идейный вдохновитель «майского переворота» — многообразное наследие Ю. Пилсудского является тем политическим багажом, в котором до сих пор ищут свою легитимность самые разные политические силы.

Отношение современной польской элиты к итогам «тревожного столетия», прожитого страной в XX в., остается неоднозначным. Оно колеблется от безусловно положительного и даже приподнято-восторженного («Торжество культуры» — Славомир Сераковский) до однозначно негативного («Польша не является независимой» — Януш Корвин-Микке). Посередине этого спектра можно встретить более умеренные позиции («Возвращаемся к вечным ценностям» — Ян Ольшевский и «Работа еще не закончена» — архиепископ Войцех Поляк, примас Польши) [Płociński]. По мнению предстоятеля польского Костела, обретение независимости — помимо того, что оно является поводом для национальной гордости, — должно быть неразрывно связано с ответственностью. «Независимость не только была нам дана — за нее еще и спросят», — заявил он накануне праздника в интервью изданию Rzeczpospolita [Там же].

А по словам самого эпатажного польского политика Я. Корвина-Микке, независимость современного польского государства — вещь достаточно условная. Независимой была как раз ПНР. Ведь даже в то время «законы принимались не в Москве, а в Варшаве, а сейчас законы принимаются в Брюсселе», считает основатель «Союза реальной политики» и «Конгресса новых правых» [Korwin-Mikke: Polska...]. Если принять во внимание, что среди руководителей современного «коллективного Брюсселя» находится бывший польский премьер Дональд Туск (давно и последовательно выступающий с критикой польских правых), данное высказывание Корвина-Микке приобретает еще большую остроту.

Более того, по его мнению, сам выбор даты 11 ноября выглядит весьма спорным. Ведь Польша была объявлена независимой еще 7 октября 1918 г., когда соответствующую декларацию принял Регентский совет Королевства Польского. 11 ноября произошла лишь передача власти Ю. Пилсудскому. Таким образом, этот день следовало бы отмечать исключительно польским левым, а вовсе не национальным демократам и правым, чьи заслуги в возрождении польской независимости при Пилсудском долго и сознательно замалчивались.

Многолетний исследователь наследия Ю. Пилсудского, известный интеллектуал и политик, экстраординарный профессор Варшавского университета Томаш Наленч накануне 11 ноября 2018 г. выразил недоумение, почему официальные власти, представленные сторонниками партии «Право и справедливость» (PiS), согласились проводить Марш независимости совместно с радикальными националистическими организациями. «Государственная власть не может вести переговоры с какой-то экстремистской группой и выступать с ней вместе», — считает историк. Ведь первый маршал Польши, если он признан (и вполне заслуженно) строителем польской независимости, никогда бы не одобрил подобных действий [Nałęcz: Wspólny marsz...]. Как заявил Наленч, постоянные участники Марша независимости — ONR и «Польская молодежь» — являются наследниками именно экстремистских националистических организаций 1930-х годов, которые «Юзеф Пилсудский запретил... потому что считал, что они разрушают государство» [Там же]. Сегодня же именно они стали олицетворять польскую патриотическую идею.

Что же касается партии «Гражданская платформа», то ее отношение к различным «маршам» 11 ноября всегда было однозначно отрицательным. Глава Европейского совета и сооснователь «Гражданской платформы» Д. Туск вообще не участвовал в этот день ни в одном из официальных мероприятий и дистанцировался от представителей польских властей. А выступая на «Играх свободы» в Лодзи накануне празднований, политик нашел повод и для прямой критики: «Если Юзеф Пилсудский и (лидер «Солидарности», экс-президент Польши) Лех Валенса могли победить большевиков, а оба они находились в намного более трудной ситуации, нежели сейчас, то почему вы не могли бы победить современных большевиков?» — обратился он с вопросом к аудитории, имея в виду современных партийных функционеров партии «Право и солидарность» [Mosne wystąpienie Tuska...]. Собравшиеся с восторгом встретили предложение Туска: «Оставим этот марш в покое. Займемся каждый своей работой. Ведь именно в те моменты, когда поляки рассчитывали на свои силы и на солидарность, они неизменно выигрывали» [Там же].

Впрочем, ни Д. Туск, ни потерпевший поражение на выборах 2015 г. Бронислав Коморовский не относятся сегодня к числу популярных польских политиков. Бездарно проигранные «Гражданской платформой» осенью 2015 г. парламентские выборы не позволили ей остаться в числе влиятельных политических сил страны. Поэтому вполне ожидаемой была реакция вице-спикера Сената Польши Адама Белана, заявившего, что главе Европейского совета следует «сосредоточиться на своей работе в Брюсселе, а не разделять поляков» [Bielan o Tusku...].

Подобные пикировки подтверждают: наследие Ю. Пилсудского не объединяет, а скорее разделяет современную польскую элиту. Попытки использовать идеи маршала и даже само его имя в споре с политическими оппонентами неизбежно приводят к конфликту. Праздничные мероприятия стали лишь дополнительным катализатором для подобных споров, участники которых зачастую уходят очень далеко от «первоисточника».

В связи с этим представляется важным установить подлинные обстоятельства событий 11 ноября 1918 г. и ту роль, которую сыграл в них Ю. Пилсудский. Только отделяя факты от «легенды», можно судить об истинной природе этого праздника и происхождении культа Пилсудского.

«На свободной земле»

В конце Первой мировой войны крушение сразу трех европейских империй предоставило полякам уникальный шанс для возрождения своей государственности. Неуклонное приближение развязки на Западном фронте сделало возможным не только создание собственных государственных структур, но и преодоление раскола польских земель, уже 123 года находившихся во власти трех великих европейских держав.

Стремительный распад Австро-Венгрии и начало революции в Германии стали серьезным испытанием для польских политических сил. Созданные ими институты в Познани и Варшаве, Кракове и Люблине зачастую принимали прямо противоположные решения, в их действиях не хватало единства и последовательности.

Регентский совет в Варшаве, находившийся под контролем Германии и Австро-Венгрии, до последнего момента не спешил разрывать сотрудничество с Центральными державами. Лишь 7 октября 1918 г. члены Регентского совета выступили с декларацией, в которой провозгласили «создание независимого государства, охватывающего все польские земли с доступом к морю, политически и экономически самостоятельного». Текст этой декларации почти дословно воспроизводил 13-й пункт «январской программы» президента США В. Вильсона («14 пунктов Вильсона»), которая теперь становилась краеугольным камнем для всего «польского дела». Как гласил текст этой программы, «Должно быть создано независимое Польское государство, [...] которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю и политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором» [Woodrow Wilson's «Fourteen Points»...].

Так как новое германское правительство принца Макса Баденского выразило согласие вести переговоры с союзниками именно на основании «14 пунктов», политики в Варшаве посчитали и для себя этот документ руководством к действию. Вслед за этим в Варшаве было образовано новое правительство, изменен текст воинской присяги и издан декрет о формировании регулярной армии. На пост военного министра планировалось назначить самого популярного на тот момент в Польше политика — Ю. Пилсудского. Впрочем, сам «комендант» (так называли Пилсудского соратники) ничего не знал об этом, находясь еще с июля 1917 г. в заключении в германской крепости Магдебург.

Регентский совет, в составе варшавского архиепископа Александра Каковского, князя Здислава Любомирского и графа Юзефа Островского, представлял аристократические консервативные круги и не мог рассматриваться польским обществом в ка-

честве легитимного центра власти. Несмотря на то что регенты не относились к числу явных германофилов (граф Ю. Островский еще до войны дважды избирался членом Государственного совета Российской империи), их авторитет в патриотических кругах был крайне невысок.

Видя неизбежное поражение стран Четверного союза, польские политики на местах с энтузиазмом приступили к созданию собственных властных структур. В конце октября — начале ноября 1918 г. в Польше возникло сразу несколько не признающих друг друга центров власти, а в восточных районах страны появились первые советы. Вполне реальной стала опасность внутреннего конфликта, а возможно — и гражданской войны [Böhler, p. 190]. События все больше приобретали стихийный характер, и польским политическим силам оставалось постараться не отставать от них.

В Кракове 28 октября 1918 г. польские депутаты австрийского парламента создали Польскую ликвидационную комиссию, которая два дня спустя взяла власть в свои руки на польских территориях бывшей монархии Габсбургов. Этот самопровозглашенный орган возглавил бывший депутат австрийского Рейхсрата, основатель польской крестьянской партии «Пяст» Винценты Витос.

В Познани в начале ноября 1918 г. был образован Главный народный совет (Naczelna Rada Ludowa), претендовавший на власть в Великой Польше, Верхней Силезии и Восточном Поморье. Его возглавлял коллективный комиссариат в составе С. Адамского, В. Корфанты и А. Пошвиньского. В Познани и ряде других городов полякам удалось взять в свои руки муниципальные органы управления и установить контроль над местными рабочими и солдатскими советами. Впрочем, юридически эта территория все еще принадлежала Германии, и ее судьба должна была решаться на мирной конференции. Вспыхнувшее в конце 1918 г. Великопольское восстание разрешило вопрос гораздо быстрее и радикальнее, вернув полякам этот важный в стратегическом отношении край, бывший некогда историческим ядром формирования польского государства.

В Тешине, на пограничной территории между Польшей и Чехией, 19 октября 1918 г. начал работу Народный совет Тешинского княжества во главе князем Юзефом Лодзином. Здесь уже тогда возникла почва для будущего чешско-польского территориального спора.

В Люблине 7 ноября 1918 г. активисты подконтрольных Пилсудскому военизированных организаций совершили переворот, в ходе которого было образовано Народное правительство Польской Республики во главе с социалистом Игнацием Дашинским. Правительство Дашинского (соратника Ю. Пилсудского) немедленно выступило с программой радикальных социальных преобразований, что сразу же оттолкнуло от него умеренные и правые силы. Это правительство не было признано ни Краковом, ни Варшавой, все еще находившейся под контролем немцев.

Стремясь любой ценой не допустить развития событий «по российскому сценарию», Регентский совет был готов передать всю власть в руки одного лидера, который смог

бы консолидировать польское общество и объединить разрозненные политические группы. Таким политиком, по общему убеждению, мог быть только Ю. Пилсудский.

Пребывание в Магдебурге создало Ю. Пилсудскому ореол «мученика за отчизну» и «борца за независимость». Он имел опыт участия в Первой мировой войне и носил чин бригадира австро-венгерской армии. За годы войны «комендант» из малоизвестного лидера социалистической партии и руководителя ее боевой организации превратился в популярного деятеля, известного во всех частях Польши, авторитетного и имевшего опыт управления большим числом преданных ему активистов. За Пилсудским стояли польские военизированные структуры, в том числе «Польская военная организация» (POW) и «Конвент», численностью более 15 тыс. человек. Он сам предсказывал, что подобные организации пригодятся, когда вопрос о независимости страны перейдет в практическую стадию [Матвеев, с. 230–232]. 15 месяцев заключения Пилсудского в Магдебурге были использованы его сторонниками для широкого распространения его «легенды» в польском обществе [Там же]. По меткому выражению историков Дарьи и Томаша Наленч, «чем дольше его не было, тем больше людей с нетерпением ожидали его возвращения». Авторитет Пилсудского не подвергался сомнению ни левыми, ни правыми силами; его взгляды находили приверженцев среди политиков, интеллигенции и деятелей культуры.

Попытки использовать фигуру Ю. Пилсудского в качестве национального лидера начались еще до ноября 1918 г. Летом 1918 г. князь З. Любомирский и другие члены Регентского совета обращались к германским властям с просьбой освободить Пилсудского, однако получили отказ. Поводом для такого обращения послужило письмо Пилсудского, направленное князю Любомирскому в июле 1918 г., где он выражал недоумение по поводу своего ареста и требовал от германских военных официального суда [Józef Piłsudski w Magdeburgu...]. «Обращаясь к вам, князь, — писал Пилсудский, — я прошу о том, в чем не отказывают даже самым опасным преступникам, — о суде. Мне все равно, какой это будет суд — польский, австрийский или немецкий, гражданский, военный или полевой. Пусть мне, наконец, скажут, что я совершил такое, что уже целый год не могу ни с кем перемолвить слова. Пусть, наконец, мои тяжкие преступления будут рассмотрены судом и на мою виновную голову падет приговор наисуровейшего — но права» [Там же].

Было совершенно очевидно, что никакой вины перед оккупационными властями Пилсудский не чувствовал. Складывалось впечатление, что его заключение было превентивным. Серьезных политических обвинений ему никто никогда не предъявлял. Немцы попросту «берегли» его и откладывали освобождение до того момента, когда можно было бы с наибольшим успехом использовать его популярность.

До сих пор роль Германии в тех польских событиях остается предметом спора историков. Доподлинно не известно, были ли у германских властей какие-либо неформальные договоренности с Ю. Пилсудским накануне его освобождения. Однако известно, что соответствующие контакты имели место 31 октября и 6 ноября 1918 г., после чего Пилсудский 9 ноября был освобожден и на автомобиле срочно доставлен из Магдебурга в Берлин. Вечером того же дня «комендант» специальным литерным поездом, состоявшим всего из одного вагона, направился из Берлина в Варшаву.

Пилсудский прибыл в польскую столицу в 7 часов утра 10 ноября. Вопреки легенде, на Венском вокзале его встречали не толпы сторонников, а всего несколько человек: член Регентского совета князь З. Любомирский, узнавший о приезде накануне ночью, а также главный комендант POW немецкой зоны оккупации Адам Коц. Германия держала в секрете не только время, но и сам факт освобождения «коменданта», прекрасно сознавая степень его популярности в польском обществе. Прямо с вокзала он направился в резиденцию З. Любомирского, где начал переговоры с членами Регентского совета.

Почти сразу обнаружилась полная противоположность взглядов. Пилсудский намеревался немедленно выехать в Люблин, где уже три дня существовало дружественное ему правительство социалистов И. Дашинского. Но это в планы членов Регентского совета совершенно не входило. Князь Любомирский отговаривал его от этого плана, утверждая, что правительство в Люблине «одностороннее, партийное». Варшавским политикам было понятно, что никакого соглашения с правительством социалистов достичь не удастся. «Но это мое правительство, — возражал Пилсудский, — правительство моих друзей». На замечание Любомирского, что правительство в Люблине не является общенациональным, Пилсудский отвечал: «Да, но зато на свободной земле». «Здесь земля в любой момент может стать свободной», — парировал Любомирский [Książę Zdzisław Lubomirski...].

После долгих переговоров Пилсудский все же решил отменить свою поездку. Решающим аргументом стало увиденное им на улицах Варшавы: в польской столице были уже все признаки начинающейся революции. Немецкие солдаты разоружали своих офицеров и создавали солдатские комитеты, а среди поляков все чаще раздавались возгласы «Niech żyje Polska!» («Да здравствует Польша!»). Пилсудский вовремя осознал, что его присутствие в Варшаве гораздо более необходимо, чем в провинциальном Люблине. Именно здесь следовало приступить к созданию польских общенациональных органов власти.

Еще на вокзале Пилсудский отдал распоряжение начать разоружение германских воинских частей в столице. Участвовать в этом должны были активисты POW — других сил в его распоряжении не было. Однако сделать это было не так просто, в ряде случаев немцы оказывали сопротивление. Лишь к концу дня 10 ноября военная власть в городе перешла в руки солдатских комитетов, а германский генерал-губернатор Ганс Гартвиг фон Базелер тайно покинул Варшаву. Немцы обратились к Пилсудскому с предложением передать в руки поляков все военные объекты в обмен на беспрепятственный пропуск 80 тыс. германских военнослужащих на родину. 11 ноября Пилсудский дал на это согласие. К этому моменту на территории германской и австрийской частей Польши уже не осталось ни одного представителя оккупационных властей¹.

¹ Речь идет именно о «представителях оккупационных властей» (администрации), а не о военнослужащих. С отъездом генерал-губернатора фон Базелера в польской столице возник вакуум власти, которым и воспользовался Пилсудский. Бегство фон Базелера сделало возможным передачу военных полномочий Пилсудскому, что стало главным содержанием событий 11 ноября. На территории Польши к этому моменту насчитывалось 80 тыс. германских военнослужащих, в Варшаве — около 30 тыс. Их эвакуация заняла около трех недель.

11 ноября Регентский совет в Варшаве официально передал Пилсудскому командование над всеми польскими вооруженными силами. Это решение мотивировалось «угрожающей опасностью, внутренней и внешней» и необходимостью «обеспечения порядка в крае» [Odezwa Rady Regencyjnej...]. Таким способом Совет стремился загладить и свой «консерватизм», и прошлое сотрудничество с оккупационными властями. Регенты понимали, что их политическая миссия закончена. Нерешенной оставалась лишь юридическая сторона дела.

14 ноября 1918 г. члены Регентского совета собрались на свое последнее заседание в резиденции графа Ю. Островского. Сам граф Островский, старейший из членов Регентского совета, был болен, и важнейшее решение в жизни польского государства принималось у него дома в неформальной обстановке. Очень долго не удавалось найти нужную формулировку: на каких условиях и в какой форме будет передана власть. Пилсудский торопился и грозил: «Ну если и вы не знаете, как это сделать, то я сам уеду в Вильно» (будущий маршал был уроженцем Литвы) [Książę Zdzisław Lubomirski...]. Наконец необходимая формула была найдена. Регентский совет принял решение о своем самороспуске. Официальный текст документа гласил: «с этого момента наши обязанности и ответственность перед польским народом в твои руки, Начальный Вождь, вручаем, до передачи их национальному правительству» [Listopad 1918 г.].

Эпоха «регентской Польши» завершилась. Пилсудский, принимая власть, подчеркивал ее легитимный характер и преемственность и давал понять, что склонен прагматично относиться к тому наследию и тем институтам, которые были созданы при германской оккупации.

Разумеется, на начальном этапе формирования новых польских государственных структур это создавало определенные трудности. Многие современники обвиняли Ю. Пилсудского в том, что он получил власть из рук политиков, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами. Для других было неприемлемо его революционное прошлое, а сам лидер казался им слишком «левым».

В силу этих причин «национальное правительство», о котором говорил текст документа, хоть и было сформировано спустя всего несколько дней — 18 ноября, оказалось очень недолговечным. Лишь после возвращения в Варшаву из Парижа известного польского политика и композитора Игнация Падеревского, в начале 1919 г. удалось сформировать правительство народного доверия, опирающееся на широкую общественную поддержку.

Зато громкий титул «Начальник государства», присвоенный Пилсудскому впоследствии, должен был стать предметом гордости для польского лидера. Ведь еще в конце XVIII столетия так именовал себя другой национальный герой, которому Пилсудский всегда стремился подражать, — Тадеуш Костюшко.

Рождение легенды

Исключительность событий 11–14 ноября 1918 г. и патриотический подъем в обществе нашли отражение не только в официальных документах, но и в многочисленных воспоминаниях очевидцев и современников. «Кто не пережил этих коротких дней, кто не плакал от счастья в эти дни вместе с целым народом, тот так и не достиг в своей жизни наивысшей радости» — так описывал атмосферу ноябрьских дней в Варшаве Енджей Морачевский — социалист, соратник Пилсудского и первый глава правительства независимой Польши [Listopad 1918 г.].

Современники отмечали и объективные трудности, с которыми столкнулись власти при строительстве нового польского государства. Польское общество остро нуждалось в объединяющей страну идеологии, что было вполне естественно, т.к. польская государственность создавалась на основе частей сразу трех бывших европейских монархий. Фрагментарность польской национальной идеи, отсутствие выраженных культурных связей между отдельными регионами страны и, наконец, многонациональный характер самого государства делали Польшу неким подобием Австро-Венгрии. По словам современного германского исследователя Йохена Белера, «национальное самосознание» в отдаленных регионах страны, особенно у жителей восточных и западных «крезов», находилось в зачаточном состоянии [Böhler, p. 191–192]. «Национальность, — по словам историка, — не была основной категорией, вокруг которой объединялся окружающий их мир» [Там же]. Именно поэтому сохранение памяти об 11 ноября и популяризация легенды главного героя ноябрьских событий стали приоритетом для польских властей уже в первые месяцы существования Польской Республики.

Первые торжества в честь 11 ноября состоялись в Варшаве через год, в 1919 г. С этого момента установилась традиция ежегодно отмечать те события в первое воскресенье после 11 ноября. Так, например, в 1920 г. праздничные торжества прошли 14 ноября и были гораздо более масштабными. В этот день польские власти и жители Варшавы чествовали Ю. Пилсудского как верховного вождя, победоносно завершившего советско-польскую войну, и вручили ему маршальскую булаву. Праздник приобрел военный характер, и надолго.

Память о ноябрьских днях и возрождении независимости была неразрывно связана с историей легионерского движения 1914–1918 гг. Культ легионеров начал формироваться в стране практически сразу, как только закончилась активная фаза «борьбы за Польшу». Ключевую роль в формировании этого культа сыграл сам Ю. Пилсудский, выступавший как знаменитый создатель легионов и их бессменный руководитель в 1914–1916 гг. Маршал принимал активное участие в работе Союза польских легионеров (Związek Legionistów Polskich), образованного в 1918 г. Во главе этой организации находился ближайший соратник Пилсудского, генерал Эдвард Рыдз-Смиглы.

В 1922 г. на I Съезде польских легионеров, проходившем при участии польского лидера, было принято решение о создании в Кракове Музея борьбы за независимость, Дома Юзефа Пилсудского, а также памятника борьбе за независимость и Юзефу Пил-

судскому. Эти проекты были частично реализованы в 1930-е годы [100 lat temu...]. Участники легионерского движения прилагали немало сил для сохранения памяти о событиях 1914–1918 гг. и популяризации наиболее заметных символов той эпохи.

Пилсудский неизменно оказывал покровительство своим бывшим соратникам. Принадлежность к легионерскому движению в межвоенной Польше почти автоматически открывала широкие возможности для продвижения по карьерной лестнице. В 1920-е годы многие влиятельные польские руководители оказались выходцами именно из легионерской среды.

Вот как описывал, например, политическую судьбу Казимежа Соснковского, получившего пост военного министра, известный польский мемуарист Ежи Климковский: «Ближайший приятель и соратник Пилсудского еще со времен легионов, он только благодаря последнему пользовался предельно большим почетом в Польше, регулярно получая по военной линии самые высокие посты и почетные звания» [Климковский, с. 14].

Легионерское прошлое можно обнаружить у многих известных политиков и военных, среди которых начальник генерального штаба Тадеуш Пискор, генеральный инспектор польской армии Э. Рыдз-Смиглы, военный атташе в Румынии Болеслав Венява-Длугошевский, генерал, депутат польского Сейма и лидер Партии труда Юзеф Галлер [Kusiak, s. 241].

Однако «легионерская легенда» не просто сформировала элиту Второй Речи Посполитой. Она позволила трактовать Пилсудского как выдающегося народного вождя, талантливого стратега и полководца, «воскресителя Польши», защитника народа и строителя государства. Эти титулы говорили об особых правах маршала в отношении польского общества. А популярное прозвище «дедушка» (Dziadek) свидетельствовало о патерналистском характере отношений между маршалом и его соотечественниками. Резолюция Сейма, принятая 28 июля 1923 г., однозначно определяла эти отношения: «Маршал Юзеф Пилсудский, как Начальник государства и Верховный вождь, имеет заслуги перед народом» [Sprawozdanie stenograficzne... s. 756].

Таким образом, еще до майского переворота 1926 г. был сформирован культ польского лидера, а история событий 1918–1920 гг. была в значительной мере мифологизирована. Поражение молодой польской демократии и установление режима личной власти Ю. Пилсудского, опиравшегося на поддержку военных, облегчили его дальнейшую глорификацию. При этом сознательно замалчивались заслуги политических оппонентов Пилсудского в становлении независимой Польши. Среди них были как национальные демократы во главе с Романом Дмовским, так и консерваторы, заложившие основы польских государственных институтов еще в 1916–1918 гг., в период Регентского королевства.

Совершенно справедливым представляется мнение ряда польских историков, что в окончательной своей форме легенда и культ Пилсудского сформировались не в годы

Первой мировой войны (несмотря на всю славу и популярность легионерского движения), а в 1920–1930-е годы, когда они были закреплены на законодательном уровне [Biskupski, s. 12; Kusiak, s. 244].

Возможности же идеологических противников Ю. Пилсудского развивать в отношении него критический нарратив были крайне ограничены. В 1920–1926 гг. часто объектом критики становилось его революционное прошлое (когда Пилсудского открыто называли нападавшим на поезда боевиком-социалистом) и недемократичный характер его власти. Однако серьезнее были обвинения в стратегических ошибках во время советско-польской войны 1919–1921 гг., в результате которых в критический момент Варшавской битвы польское государство было поставлено на край гибели. Противники Пилсудского из национально-демократического лагеря отказывались признать за ним авторство плана успешного контрнаступления под Варшавой в августе 1920 г. В зависимости от предпочтений, эти успехи приписывались генералу Тадеушу Розвадовскому, генералу Владиславу Сикорскому, генералу Максиму Вейгану, польским телеграфистам и шифровальщикам и, наконец, вмешательству высших сил [Kusiak, s. 244].

Определенный свет на истинное соотношение правды и вымысла в трактовке этих событий проливает свидетельство генерала Т. Розвадовского, в 1920 г. начальника Главного штаба Войска польского: «На благо Польши, на благо отношениям с Францией, для поддержания престижа маршала Пилсудского как главы государства, [...] тот принял частично незаслуженные лавры» [Generał Tadeusz Rozwadowski...]. Таким образом, даже польские военные признавали мифологизированный характер официальной версии событий 1920 г.

Сторонники Пилсудского были убеждены, что маршал (с 1923 г. отошедший от политической деятельности) является единственной фигурой, способной «оздоровить» общественно-политическую ситуацию в стране. Возникшая таким образом «концепция моральной санации» дала название новому политическому движению и стала идеологической основой для майского переворота 1926 г. С этого момента культ Пилсудского превратился в официальную государственную идеологию, а в политическом дискурсе доминировала только позитивная оценка его деятельности.

Для противодействия противникам и критикам польские власти еще в 1923 г. создали Институт изучения новейшей истории Польши под председательством Леона Василевского, в прошлом — видного члена Польской социалистической партии (Польская партия социалистов, ППС) и Польской военной организации. Эта структура получила исключительное право на изучение архивных материалов и источников, посвященных борьбе за независимость, и взяла на себя функцию создания официальной биографии маршала. Помимо архивной работы, институт, носивший с ноября 1935 г. имя Юзефа Пилсудского, издавал труды, посвященные жизненному пути польского лидера и направленные на пропаганду культа его личности.

Сходные функции в вооруженных силах выполнял созданный в 1920 г. Военный научно-издательский институт (Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy). Это учрежде-

ние во главе с полковником Вацлавом Токажем занималось научной, просветительской и агитационной работой в армии.

Огромную роль в формировании культа Пилсудского в 1920-е годы сыграла польская периодическая печать: *Rząd i Wojsko*, *Naród*, *Droga*, *Nakaz Chwili* и др. Среди редакторов и организаторов этих изданий особенно выделялись публицист Адам Скварчинский, ставший после майского переворота 1926 г. шефом общего отдела гражданской канцелярии президента Польши, и редактор газеты *Droga*, бывший легионер и член ППС Януш Енджеевич. Последний, получивший позднее пост министра народного просвещения, был напрямую связан с реформой народного образования 1932 г., в ходе которой культ Пилсудского стал важной частью программы «государственного воспитания» в средних учебных заведениях. «Учитывая, что личность Пилсудского является живым символом всего самого высокого и прекрасного, лучшим в нашей традиции примером для воспитания, — заявлял Енджеевич, — любовь и уважение к нему польская школа должна всемерно расширять и культивировать» [Jędrzejewicz, s. 163].

Енджеевич оказался у истоков создания нескольких общественных организаций, выступавших в качестве опоры санационного режима в 1930-е годы. В 1930 г. по инициативе властей был образован «Молодой легион» (*Legion Młodych*), целью которого было распространение культа Пилсудского среди студентов и создание альтернативы руководимой «эндеками» «Польской молодежи» (уже упомянутая *Młodzież Wszechpolska*). В 1932 г. властями была сформирована еще одна организация — «Передовая гвардия» (*Straż Przednia*), объединявшая молодежь в возрасте от 15 лет до 21 года. Ее создание было тесно связано с необходимостью подготовки кадров для «Легиона»; кроме того, «Гвардия» выполняла и самостоятельные функции, распространяла идеи маршала и несла в молодежную среду официальную правительственную пропаганду.

Ю. Пилсудский становился героем улиц и площадей, школ и общественных организаций. Ему ставились памятники. В его честь был назван крупнейший польский океанский лайнер «Пилсудский» построенный в итальянском Триесте в 1935 г. Характерно, что второй такой лайнер, построенный год спустя, был назван в честь Стефана Батория [Gola, s. 342–343]. Именем маршала называли самолеты польских ВВС, боевые корабли и отдельные воинские подразделения. В Войске польском день именин маршала — 19 марта — всегда был праздничным: военные присутствовали на торжественных службах в костелах и получали возможность посетить резиденцию маршала в Сулеювке под Варшавой. Характерно, что этот день, как и 11 ноября, были в первую очередь праздниками для военных. Элита «санационного режима» была тесно связана с армейской средой, а армия и школа традиционно оставались в числе главных институтов «государственного воспитания» в Польше в межвоенное двадцатилетие.

Военный аспект биографии Пилсудского сделал возможным формирование образа маршала на основе примеров крупнейших польских полководцев прошлого: королей Яна III Собеского и Стефана Батория, князя Юзефа Понятовского. Эти фигуры представлялись наиболее подходящими, чтобы сделать акцент на борьбе с анархией в общественной жизни и мобилизовать соотечественников вокруг «патриотических» ценностей

[Цихорацкий]. Даже художественные образы, прославлявшие маршала, были так или иначе связаны с его легионерским прошлым или участием в советско-польской войне 1920 г. Немало деятелей искусства шли в свое время добровольцами в легионы, а затем и в Войско польское. Среди них, например, такие известные польские художники, как Леон Вычулковский и Войцех Коссака. Их деятельность в 1914–1918 гг., а также в период советско-польской войны была направлена на увековечивание памяти о воинских подвигах Пилсудского, создание образа гениального стратега и полководца.

Хрестоматийным стало изображение польского лидера на картине В. Коссака «Юзеф Пилсудский на Каштанке» (1928), где он показан верхом на любимой лошади, в окружении соратников, уверенно смотрящим вперед в неустрашимой и полной достоинства позе [Wysocki, s. 131]. Однако апофеозом живописного прославления маршала считается появившаяся в 1935 г. картина польского художника Ежи Коссака «На пороге вечности» (*Na progu wieczności*). На ней Пилсудский изображен поднимающимся по ступеням лестницы, на вершине которой его приветствуют Т. Костюшко и Ю. Понятовский. Два национальных героя, символизирующих неразрывность эпох в борьбе поляков за свою независимость, готовы заключить в свои объятия Пилсудского, переходящего из истории в вечность [Там же].

Пропаганда культа личности Пилсудского продолжилась и после его ухода из жизни в 1935 г., что полностью укладывалось в логику действий «санационной элиты», для которой маршал был персональным воплощением правящего режима. Президент Игнаций Мосцицкий в своем траурном обращении к нации называл Пилсудского величайшим человеком в польской истории [*O rędzie żałobne prezydenta...*]. В июне 1935 г. был создан Главный комитет почитания памяти маршала Ю. Пилсудского, занимавшийся координацией памятных мероприятий, причем покровительствовать ему должен был сам глава государства [Цихорацкий].

В последние предвоенные годы власти постарались закрепить прославление маршала на правовом уровне. 23 апреля 1937 г. Сейм Польши официально установил новый государственный праздник — День независимости. Выбор даты для этого праздника был вполне очевиден. 11 ноября — как гласил текст закона, «день, на вечные времена связанный с великим именем Юзефа Пилсудского, победоносного вождя народа в войнах за свободу отчизны», — было объявлено нерабочим днем. В апреле 1938 г. Сейм принял закон «Об охране имени Юзефа Пилсудского», который стал уникальным правовым актом в польской истории, — он был единственным законом, защищающим честь и достоинство одного человека. Память маршала была объявлена находящейся под особой защитой государства. За неуважение к имени Пилсудского и оскорбление его памяти нарушителям грозило до 5 лет лишения свободы [Kusiak, s. 244].

Накануне сентября 1939 г. правящая элита в последний раз обратилась к образу Ю. Пилсудского, что должно было послужить мобилизации общества в условиях надвигающейся военной угрозы [*Szlakiem Jozefa Pilsudskiego*, s. 104]. Однако эффективность этих попыток, как показали дальнейшие события, была крайне невысокой.

По выражению Е. Климковского, предвоенная Польша управлялась «поддерживавшей президента Мосцицкого военной камарильей», присвоившей себе наследие маршала и распорядившейся страной от его имени [Климковский, с. 14]. Итоги этой политики хорошо известны. Начало Второй мировой войны и сентябрьская трагедия положили конец попыткам последователей Пилсудского возродить Польшу как великую европейскую державу. В сентябре 1939 г. наследники маршала фактически бросили свою армию на произвол судьбы и, перейдя румынскую границу, утратили контроль над страной. Вслед за этим польское государство вновь исчезло с европейской карты. «Легенда» Пилсудского на долгие годы была предана забвению, а его культ в эпоху ПНР находился под строгим запретом.

В «Новой Польше»

Долгие годы в Польше не было даже намеков на официальное почитание памяти Юзефа Пилсудского. То же самое можно сказать и о памятной дате 11 ноября. Законом Краевой Рады Народовой от 22 июля 1945 г. главный польский праздник был отменен [Ustawa..., roz. 194]. В первые послевоенные годы новое польское государство создавалось как радикальная альтернатива Второй Речи Посполитой, что проявлялось и в области официальной идеологии. Государственная пропаганда в ПНР была направлена на удаление образа Пилсудского как из публичного пространства, так и из сознания людей. Однако если первая цель была с успехом достигнута, то со второй справиться так и не удалось. Вопреки усилиям властей, образ маршала упорно не желал исчезать из общественной памяти.

Парадоксальную связь между действиями по дискредитации маршала и ростом его популярности в обществе коммунистическая элита ПНР заметила слишком поздно. Слабость власти отчетливо проявилась в 1980-е годы, когда имя Пилсудского стало знаковым символом сопротивления коммунистическому режиму. В пору военного положения дошло даже до того, что генерал Войцех Ярузельский сам был вынужден обращаться к памяти маршала и апеллировать к выдвинутой им идее государства как наивысшей ценности [Kusiak, s. 248].

В 1989 г., с началом формирования структур III Речи Посполитой, имя Ю. Пилсудского было торжественно возвращено в пантеон национальных героев.

Идеализация довоенного прошлого, ностальгия по досентябрьской Польше и некоторая романтизация этой эпохи стали наиболее заметными чертами польской общественной жизни с начала 1990-х годов. Многие общественные и государственные деятели стремились подчеркнуть свою связь с образом Ю. Пилсудского, актуальность его политического наследия и важность заслуг перед народом. Подражать Пилсудскому и выражать уважение к его памяти стало «хорошим тоном» [Kusiak, s. 249]. Наиболее последователен в этом был лидер «Солидарности» и президент Польши (1990–1995) Лех Валенса. В его случае это выглядело совершенно естественно еще и потому, что в 1989 г. он стал для многих соотечественников таким же символом возрождения независимости, каким был Пилсудский в 1918-м.

Неудивительно, что новый лидер стремился всячески подчеркивать свою связь с эпохой Второй Речи Посполитой и ее героями. Многим полякам запомнилась торжественная встреча президентских регалий, привезенных в Варшаву из Лондона Р. Качоровским в 1989 г. Участие в ней Л. Валенсы добавило последнему популярности (примечательно, что действовавший на тот момент президент Польши генерал В. Ярузельский на церемонию даже не был приглашен). Валенса весьма кстати вспомнил семейную легенду, согласно которой его дед Ян Валенса, служивший в Польской военной организации, был лично знаком с Пилсудским и якобы даже спас маршала в годы советско-польской войны. В семье Валенсы, по его утверждению, долгие годы сохранялась фотография, на которой его знаменитый предок был запечатлен вместе с польским лидером [Nowik...]. Разумеется, проверить подлинность этой легенды не представляется возможным. Но на письменном столе президента Валенсы журналисты не раз замечали небольшой бюст маршала, что говорило о его особом отношении к культуре «воскресителя Польши».

С уважением относился к личности Пилсудского и Папа Римский Иоанн Павел II, который наряду с маршалом и Валенсой сам вошел в тройку наиболее известных фигур польской истории в XX в.

Пик популярности маршала, как справедливо отмечают современные исследователи, пришелся на середину 1990-х годов, однако и позднее его имя польские политики часто использовали в предвыборной борьбе. Во время президентских теледебатов 2005 г. два основных кандидата, Л. Качиньский и Д. Туск, признали Пилсудского наиболее выдающимся политиком Польши XX столетия. Как с иронией отмечали комментаторы (называвшие эту пару «двуглавым орлом»), когда Качиньский первым ответил на вопрос о Пилсудском, Туску не оставалось ничего другого как согласиться. Однако в данном случае можно говорить о давно сформировавшейся позиции: магистерская диссертация Туска, которую тот защитил в далеком 1980 г. в Гданьском университете, была посвящена распространению легенды Пилсудского в межвоенной прессе [Kusiak, s. 249].

Что же касается Качиньского, после своей победы на президентских выборах он в одном из интервью даже заметил, что если бы жил во времена маршала, то поддержал бы майский переворот 1926 г. [Kusiak, s. 250].

Во ходе избирательной компании 2010 г. связь с Пилсудским подчеркивал и будущий президент Польши Б. Коморовский. В одном из радиозэфиров он отметил, что очень ценит «эффект общих корней» с маршалом (имелась в виду духовная связь) и часто обращается к его наследию.

Накануне столетия польской независимости польские политики повторили сказанное в предыдущие годы. По мнению Я. Качиньского, он и его брат всегда считали Пилсудского наиболее выдающимся поляком XX столетия, наряду с Иоанном Павлом II и кардиналом Стефаном Вышинским. Причем особенно высоко Качиньский оценил вклад Пилсудского в развитие польской государственности в 1920-е годы. «Первые

годы Второй Речи Посполитой, — считает лидер польских правых, — прошли под знаком войн за границы, угрозы революции, дезорганизации и хаоса, а также неразвитости политической системы. В слабой Речи Посполитой требовалась попросту лучшая организация власти. В этом случае нам становится понятен вопрос моральной оценки майского переворота» [Kaczyński o Piłsudskim...]. Лидер «Права и солидарности» подчеркнул, что «в определенном смысле» считает себя наследником идеологии Пилсудского [Там же].

Дональд Туск, участвуя в памятных мероприятиях в Лодзи 10 ноября 2018 г., отметил: «Героем, отцом нашей независимости является Юзеф Пилсудский. Героем и отцом нашей свободы является Лех Валенса. Этого факта не изменит никакая историческая политика» [Mocne wystąpienie Tuska...].

Таким образом, традиция официального почитания памяти маршала была продолжена и в современной Польше. И точно так же, как во Второй Речи Посполитой, власти постарались закрепить его легенду на правовом уровне. Как правило, такие документы принимались накануне различных круглых дат, связанных с памятью маршала.

В заявлении Сейма от 12 мая 1995 г. было отмечено, что «Пилсудский остается в памяти народа, как творец независимости и победоносный вождь, избавивший от военной угрозы Европу и ее цивилизацию. Юзеф Пилсудский имеет значительные заслуги перед Отечеством и навсегда вошел в нашу историю» [Oświadczenie Sejmu... poz. 297].

Десять лет спустя, в июне 2005 г. Сейм уже с меньшим пафосом утверждал: «Маршал Юзеф Пилсудский имеет значительные заслуги перед польским народом и государством» (фактически повторив, таким образом, текст сеймового постановления 1923 г.) [Uchwała Sejmu... poz. 537].

В июне 2016 г. Сейм объявил следующий, 2017 г. «годом Юзефа Пилсудского, неутомимого борца за свободу и независимость поляков» [Uchwała Sejmu... poz. 633]. Это постановление было принято к 150-летию юбилею со дня рождения маршала, который страна отметила в декабре 2017 г. Одновременно Сейм объявил 2017 г. и годом Т. Костюшко, связь с которым маршал всегда подчеркивал. Новая памятная дата послужила поводом для многочисленных выставок, концертов, новых научных публикаций. Так как юбилей Пилсудского и столетие польской независимости разделяло менее года, это позволило еще больше сблизить две легенды.

Однако официальный патриотический нарратив получил поддержку далеко не у всех представителей польской элиты. Наибольший отклик среди поляков вызвали работы польского публициста Рафала Земкевича «Зловещая тень маршала» (2017) и «Санация или демократия» (2015–2017). В них автор постарался развенчать миф о главном польском национальном герое. Культ Пилсудского, по его мнению, сегодня особенно вреден для Польши и тормозит ее развитие. «Мы до сих пор живем в тени маршала. Польша утратила новые идеи и точки зрения. Пилсудский был патриотом, всю свою жизнь посвятившим Польше, но, с другой стороны, он уничтожил в Польше демокра-

тию, совершил государственный переворот, был диктатором, поддерживал цензуру и руководил репрессиями против оппозиции» [Ziemkiewicz: Mit Piłsudskiego...].

Следуя традициям польских «эндеков» начала XX в., автор выдвигает главное обвинение: вместо «культы повседневного труда» Пилсудский развивал культ насилия, вооруженной борьбы как единственного способа восстановления независимости.

Современный культ Пилсудского, считает Земкевич, есть не что иное, как продукт «санационной пропаганды». Он является порождением того режима, который после смерти маршала законодательно запретил его критику и активно распространял исправленную версию его биографии, в том числе в школьных учебниках.

Трудно не согласиться с Земкевичем в его оценках исторических последствий такой политики. До сих пор в тени культа Пилсудского остаются видные польские государственные деятели начала XX в., чей вклад в становление независимой Польши был незаслуженно забыт, — Роман Дмовский, Винценты Витос и Войцех Корфанты. В отличие от маршала, они имели собственные политические программы и свое видение польского пути. Пилсудский же был солдатом и по мироощущению «вождем и даже Бонапартом» [Там же]. Реконструируя влияние Пилсудского на польскую политику, Земкевич приходит к выводу, что оно распространяется не только на период Второй Речи Посполитой, но и на современность. И если в 1970–1980-е годы культ маршала имел позитивное значение для борьбы с коммунистическим режимом в ПНР, то сегодня он становится не только ненужным, но даже вредным. Отказ поляков от исторических мифов и выход страны из тени довоенного прошлого мог бы, по мнению Земкевича, решить главную задачу современности: вернуть Польше ее уникальную идентичность, которая всегда была и должна оставаться основой «польскости», — польский республиканизм.

Однако история последнего столетия показывает, что легенда Пилсудского всегда была неотделима от легенды 11 ноября. (Подобно тому, как легенда праздника 4 ноября в России неотделима от судьбы его народных героев — Минина и Пожарского.) После окончания Второй мировой войны польским властям понадобилось даже перенести дату самого праздника, чтобы предать забвению миф Пилсудского. Поэтому до тех пор, пока поляки отмечают День независимости 11 ноября, Пилсудский будет оставаться самой узнаваемой фигурой, связанной с этой памятной датой. Имя маршала по-прежнему будет написано на праздничных знаменах и транспарантах, а его легенда останется заметной частью польского национального самосознания.

Литература

Климковский Е. Гнуснейшие из гнусных. Записки адъютанта генерала Андерса. М. 2011.

Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М. 2008.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М. 1990.

Цихорацкий П. Легенда Юзефа Пилсудского в польском обществе межвоенного периода (1918–1939 годы). — URL: cyberleninka.ru/article/n/legenda-yuzefa-pilsudskogo-v-polskom-obshchestve-mezhvoennogo-perioda-1918-1939-gody (дата обращения: 12.11.2018).

- Bielan o Tusku: Jest sfrustrowanym politykiem. — URL: dorzeczy.pl/kraj/83393/Bielan-o-Tusku-Jest-sfrustrowanym-politykiem.html (date of access: 12.11.2018).
- Biskupski M. B.* Independence Day: Myth, Symbol, and the Creation of Modern Poland. Oxford. 2012.
- Böhler J.* Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. Oxford. 2018.
- Generał Tadeusz Rozwadowski wybitny żołnierz i strateg. — URL: smj.jaroslaw.pl/aktualnosci/571-genera-tadeusz-rozwadowski-wybitny-onierz-i-strateg (date of access: 12.11.2018).
- Gola J.* Polskie transatlantyki — pływające salony sztuki. W: *Sztuka wszędzie*. Warszawa: Akademia Sztuk Pięknych w Warszawie, 2012.
- Hein H.* Der Piłsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939. Verlag Herder-Institut. Marburg. 2002.
- Jędrzejewicz J.* W służbie idei. Fragmenty pamiętnika i pism. Londyn. 1972.
- Józef Piłsudski w Magdeburgu, czyli więzien stanu nr 1. — URL: dzieje.pl/artykuly-historyczne/jozef-pilsudski-w-magdeburgu-czyli-wiezien-stanu-nr-1 (date of access: 12.11.2018).
- Kaczyński o Piłsudskim: ja i mój brat uważaliśmy się za kontynuatorów jego myśli. — URL: wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/564039,kaczynski-uwaza-sie-za-kontynuatora-mysli-pilsudskiego.html (date of access: 12.11.2018).
- Korwin-Mikke: Polska nie jest niepodległa. — URL: rp.pl/Plus-Minus/311099994-Korwin-Mikke-Polska-nie-jest-niepodlegla.html&cid=44&template=restricted (date of access: 12.11.2018).
- Książę Zdzisław Lubomirski o powrocie Józefa Piłsudskiego z Magdeburga i przekazaniu mu władzy przez Radę Regencyjną. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/ksiaze-zdzislaw-lubomirski-o-powrocie-jozefa-pilsudskiego-z-magdeburga-i-przekazaniu-mu- (date of access: 12.11.2018).
- Kusiak P.* Legenda i kult J. Piłsudskiego. Jak w Polsce doby integracji europejskiej interpretować postać Marszałka? // *Colloquium Wydziału Nauk Humanistycznych i Społecznych AMW. Rochnik II/2010*. S. 241–258.
- Legiony Polskie. — URL: niepodlegla.dzieje.pl/tagi/legiony-polskie (date of access: 12.11.2018).
- Listopad 1918 r. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/listopad-1918-r (date of access: 12.11.2018).
- Mocne wystąpienie Tuska. Nie przebierał w słowach. — URL: fakt.pl/wydarzenia/polityka/mocne-wystapienie-donald-tuska-w-lodzi-nie-przebieral-w-slowach/r8t8dwj (date of access: 12.11.2018).
- Morawski K.* Tamten brzeg. Warszawa. 1996.
- Nałęcz: Wspólny marsz z ONR? Piłsudski się w grobie przewraca. — URL: rp.pl/11-listopada/181119953-Nalecz-Wspolny-marsz-z-ONR-Pilsudski-sie-w-grobie-przewraca.html (date of access: 12.11.2018).
- Nowik M.* Konfident Piłsudski. Skąd my to znamy. Aby przywrócić niepodległość Polsce, Józef Piłsudski nie cofał się przed współpracą z wywiadem austriackim i pobieraniem pieniędzy od tajnych służb. Potem zadbał o to, by niewygodne dokumenty nie ujrzały światła dziennego. — URL: dziennik.pl/amp/514737,konfident-jozef-pilsudski-wspolpraca-wywiad-austriacki-japonski-lech-walesa-dokumenty-teczki.html?espv=1 (date of access: 12.11.2018).
- Odezwa Rady Regencyjnej o przekazaniu władzy wojskowej Józefowi Piłsudskiemu — 11 listopada 1918 r. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/odezwa-rady-regencyjnej-o-przekazaniu-wladzy-wojskowej-jozefowi-pilsudskiemu-11 (date of access: 12.11.2018).
- Orędzie żałobne prezydenta Rzeczypospolitej. — URL: web.archive.org/web/20041016082658/ (date of access: 12.11.2018).
- Oświadczenie Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 maja 1995 r. w sprawie uczczenia 60 rocznicy śmierci Marszałka Józefa Piłsudskiego. M. P. 1995. Nr 25, poz. 297.

- Płociński M.* Czy w ciągu ostatnich stu lat udało nam się zbudować Polskę na miarę naszych aspiracji? Zapytaliśmy o to autorytety z różnych środowisk i o różnych poglądach. — URL: rp.pl/Plus-Minus/311099987-Politycy-artysci-historycy-ksieza-i-filozofowie-w-ankiecie-Rzeczypospolitej-Jaka-jest-nasza-niepodleglosc.html&cid=44&template=restricted (date of access: 12.11.2018).
- Rada Regencyjna. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/rada-regencyjna (date of access: 12.11.2018).
- Szlakiem Jozefa Pilsudskiego 1914–1939. Warszawa. 1939.
- Sprawozdanie stenograficzne z 53 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej z dnia 28 czerwca 1923 roku, Biblioteka Sejmowa, lp. IP 756–767.
- Stachura P. D.* Poland, 1918–1945. An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. London and New York. 2004.
- Święto Niepodległości 2018. Obchody 11 listopada w Krakowie. — URL: wiadomosci.wp.pl/swieto-niepodleglosci-2018-obchody-11-listopada-w-krakowie-6313633278719617a (date of access: 12.11.2018).
- Ustawa z dnia 22 lipca 1945 r. o ustanowieniu Narodowego Święta Odrodzenia Polski. Dz. U. z 1945 r. Nr 32, poz. 194.
- Ustawa z dnia 15 lutego 1989 r. o ustanowieniu Narodowego Święta Niepodległości. Dz.U. 1989. Nr. 6, poz. 34.
- Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 czerwca 2005 r. w sprawie uczczenia 70 rocznicy śmierci Marszałka Józefa Piłsudskiego. M.P. 2005. Nr 40, poz. 537.
- Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 czerwca 2016 r. w sprawie ustanowienia roku 2017 Rokiem Marszałka Józefa Piłsudskiego. M.P. 2016, poz. 633.
- Woodrow Wilson's «Fourteen Points» Speech, 8 January 1918. — URL: firstworldwar.com/source/fourteenpoints.htm (date of access: 12.11.2018).
- Wysocki W.* Józef Piłsudski w malarstwie i grafice. //«Niepodległość i Pamięć» Nr. 21, 2005. S. 131–141.
- Ziemkiewicz: Mit Piłsudskiego szkodzi Polakom. Cofa nas w rozwoju. — URL: wiadomosci.dziennik.pl/historia/ksiazki/artykuly/549624,ziemkiewicz-mit-pilsudskiego-szkodzi-polakom.html (date of access: 12.11.2018).
- 100 lat temu powstał Związek Legionistów Polskich. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/100-lat-temu-powstal-zwiazek-legionistow-polskich (date of access: 12.11.2018).